

В.В.ПЕТКЕЛЬ

ЖИЗНЕННЫЕ УХАБЫ ЧЕКИСТА

Глава пятая МОЙ ОТЕЦ

Стоит несколько слов, более подробно, сказать об отце — о моем кумире, «святом» человеке в прямом смысле слова, всегда и везде я хотел быть похожим на него. Как увидит читатель позже, мое желание во многом сбылось!

Никогда не задумывался над тем, кого я больше люблю, отца или маму. Конечно, к отцу, как к мужчине, хозяину в семье, я относился очень уважительно. А мама, как хранительница очага, всегда душевно была ближе и теплее, что я особенно ощутил после ее смерти.

Думаю, что все гены и положительные черты характера моего отца перешли ко мне, а больше, наверно, к младшему брату Алексею. Он внешне очень похож на отца. Романтика отцовской жизни, постоянный поиск нового, необычного, интересного на фоне рутины обыденного, вдохновляли меня с детства, постоянно. Часто было трудно объяснить даже самому себе, почему я так рискованно поступал. Поступал и все! Сыграли гены!

Итак, отец — Виктор Михайлович, родился в 1907-м году. Семья была большая, бабушка родила четырнадцать детей. К сожалению, из-за болезни в детском возрасте, многие из них прожили немного. После революции дед лишился работы в Павловском дворце, бабушка тоже потеряла заказы. Если бы не приусадебное хозяйство, жить было бы невозможно.

Вот почему, когда по решению молодого советского правительства организация помощи детям Международного Красного Креста предложила отцу весной 1918 года в составе около девятисот мальчиков и девочек голодного Петрограда временно выехать на южный Урал в летние лагеря, именовавшиеся тогда колониями, чтобы «подкормиться», ро-

дители согласились. И он в 1918 году, символично, с целью улучшения условий проживания и поиска новых жизненных пространств, как и мы с братом, в 1942 году с Финляндского вокзала двинулись из Ленинграда в железнодорожных вагонах на юг нашей страны в неизвестность. Это важное обстоятельство еще раз подчеркивает единство семейных традиций в стремлении искать и находить при тяжелейших жизненных условиях благоприятные пути выхода из нее. Поиск обновленных, лучших направлений в личной, служебной, общественной жизни преследовал меня постоянно. И такой подход в решении сложных жизненных проблем использовался мною в будущем неоднократно.

В то время в разгаре шла Гражданская война, везде голод и разруха, вся Россия поделена фронтами на белых и красных. Так что колонистам, так их стали называть, и в пути следования, и в местах размещения, — городах Петропавловск, Иркутск, Миасс, Владивосток, — пришлось нелегко с питанием и одеждой. С большими лишениями и трудностями столкнулись ребята в сибирских городах. Наконец, в 1920 году детей доставили в порт Владивосток, где под патронажем американского Красного Креста пересадили на японское судно-сухогруз «Йомей Мару», кстати, с наилучшими условиями проживания пассажиров. Всех детей разместили в грузовых трюмах, без элементарных бытовых условий и курс взяли на Сан-Франциско, так как возвращаться в Петроград из-за боевых действий Калчака в Сибири и на Урале было невозможно.

Американский Красный Крест в связи с широкой рекламой указанного турне, а может быть и по другим соображениям, решил всех колонистов перевезти в Нью-Йорк, где проживало большое количество русских эмигрантов разных периодов и которые страстно желали увидеть и пообщаться с «жертвами большевистского террора». Колонистов разместили в ньюйорском Мэдисон Сквер Гарден. Здесь же состоялись встречи и общения детей с иностранцами, посту-

пало много предложений нелегального усыновления или удочерения, приглашений остаться жить в семьях эмигрантов.

Таким образом несколько десятков колонистов и воспитателей не вернулись на судно, оказались «невозвращенцами». Под предлогом временного проживания, пока не наладится жизнь в России, эмигрант-фермер из Канады уговорил отца какое-то время пожить в его бездетной семье. Тем временем японский пароход отчалил из Нью-Йорка и через Францию и Финляндию в 1921 году вернул русских ребятишек в Петербург. А отец остался в Канаде.

Бабушка активно разыскивала сына, писала во все инстанции. Тем временем канадский фермер приютил отца с любовью, относился к нему, как к родному, изменил ему даже имя и фамилию. Отец помогал новому отцу по хозяйству, ходил в английскую школу, жили дружно.

Вот почему, когда в Америке начался розыск отставших от рейса русских детей для отправки домой, его целый год не могли найти. Наконец, его нашли представители властей и он, несмотря на возражения семьи отчима, был отправлен в Россию. В 1924 году он уже был дома, «как денди лондонский» одет, в совершенстве владевший английским языком, с западноевропейскими манерами.

Во время отсутствия отца, бабушка как-то гадала у цыганки: «Жив ли мой сын?» Цыганка ответила, что жив, но у него болят зубы. По приезду отец подтвердил предсказания гадалки. Бабушка любила рассказывать этот эпизод. Конечно, такое незапланированное путешествие отца по заморским странам, длительная оторванность от семьи и Родины закалили его волю и дух, определили целеустремленность и настойчивость характера. Думаю, если бы не война, его незаурядная творческая натура могла бы дать стране много необычного и полезного. Я всегда старался подражать отцу. В жизни выбирал нелегкие пути, все время

тянуло в неизведанное, дальше от обычных, сегодняшних условий, в заграничные страны, другие общественные, экономические, климатические условия. В этом плане я, пожалуй, полностью скопировал характер отца.

Помимо трудолюбия отец располагал такими качествами, как любознательность, настойчивость и целеустремленность. Начатое дело, то ли по службе, то ли по хозяйским домашним делам, он всегда доводил до конца. Тяга к знаниям заставила его по возвращению домой поступить и заочно успешно окончить сначала рабфак, а затем и Ленинградский техникум электросвязи. По вечерам он часто занимался какими-то техническими науками, переводами с английского языка специальной литературы. Не имея высшего образования, занимал должность главного прораба по строительству электрофицированных железнодорожных участков Ленинград-Гатчина, Ленинград-Ораниенбаум Октябрьской железной дороги, где впервые в Советском Союзе были пущены электропоезда, наиболее экономически выгодная и современная тяговая сила железнодорожных составов.

Его можно назвать родоначальником, пионером ввода электровозов на железнодорожных путях в нашей стране, за что еще при жизни должны были бы ему поставить памятник и уделить особое внимание такой творческой личности. Однако руководством Министерства путей сообщений он был брошен на произвол судьбы в блокадном Ленинграде. А его скромность не позволила как-то выделиться среди окружения. Такие черты как скромность и простота в жизни сопровождали его до самой кончины. Все запланированные работы он выполнял строго дисциплинированно, в срок. Как передовик производства и заслуженный рационализатор постоянно находился на доске почета Управления Октябрьской железной дороги.

Отец отмечался патриотическим, интернациональным настроением в широком смысле слова. Он прививал нам такие

качества, как, способность любить свою семью, свой дом, свою улицу, свой город, свою страну. При обязательном уважении к старшим и любви к родителям и родственникам, он наставлял нас на уважительное отношение к соседям, не взирая на их национальность. Отец сам любил семью, детей, свободную минуту старался проводить вместе, брал нас в лес по грибы и ягоды, кататься на лодке по царским озерам летом, а зимой на лыжах и финских санях.

Доброта его не имела предела. Ни один нищий, инвалид, обездоленный не проходили мимо дома обиженными. У него был старый, со школьной скамьи, приятель, который любил выпить и иногда, не имея денег, заходил к нам «поправить голову». Отец всегда помогал ему или деньгами, или настоек. Мама часто ворчала за его такое поведение. Сам спиртное употреблял умеренно, пьяным я его никогда не видел. У отца были «золотые» руки, все домашние и ремонтные дела, покраска, починка мебели, электропроводка, изготовление огородного инструмента, проводка водопроводной системы, местная канализация, — делались им самим. Детских игрушек в то время в продаже почти не было. Игрушечные автомобили, поезд с вагонами, самокаты, финские сани, коляски для меня изготовлялись моим отцом. Часто к себе в мастерскую он брал и меня, приучал к мастерству. Но самым любимым моим занятием были, конечно, игра с соседскими ребятами в лапту, «разбивалки», «фантики». Зимой катались на лыжах, коньках и финских санях.

Излюбленным местом отдыха для нас, ребят, было Филькино озеро, где в летнее время собиралось много народу, в основном молодежь. Как-то вместе с соседскими ребятами пошли на озеро купаться. День выдался солнечным, жарким. Поплескавшись в воде, залез на деревянную вышку для прыжков в воду, высотой, наверное, метров пять. Сел на верхнем мостике и болтал ногами, не предвкушая никаких неприятностей. Сзади подошел какой-то хулиган и под смех ребят сбросил меня в воду. А так как я плавать еще не умел,

то быстро пошел ко дну. Испугался здорово, вокруг мутная, зеленая мгла и никого не видно. Только слышны голоса ребят на берегу. Уперся ногами в илистое дно и на четвереньках пополз в сторону этих голосов.

Мозг напряженно работал: «Не сдавайся, дойдешь до берега, сильнее отталкивайся руками и ногами!» Бога не вспоминал, следовательно, просить его о помощи никак не мог. Кто же тогда вселил в меня уверенность, сконцентрировал воедино мои ребячьи силы, заставил самостоятельно выбраться из тяжелейшей ситуации? Рок, свой, персональный бог — возможно! Вконец обессиленный, вынырнул и увидел спасительный берег. Больше бороться со стихией я не мог. Знакомые ребята подхватили и вытащили меня на берег. Взрослый парень, может, тот, который сбросил меня с вышки, начал делать искусственное дыхание, выливать из меня воду.

Встать и идти не мог, кружилась голова, силы иссякли. Упал на траву и долго приходил в себя. Подробности я узнал со слов пацанов, которые под руки привели меня домой. Хорошо, дома еще никого не было. Потом отлежался и никому ни слова. По моему бледному виду родители решили, что я перекупался и временно запретили ходить на озеро.

Вот такое первое, а жизнь показала, что не последнее, было испытание моих сил и духа в борьбе с окружающей средой за выживание. Конечно, оно явилось основой противостояния всем невзгодам, неприятностям, которые возникали в будущем. В памяти сохранились подробности этого кризиса, но всплывали они чаще во снах. А позже отчетливо проявились во время инфарктного беспометства.

А в Гатчине у меня все шло своим путем. Успешно закончил 3-й класс 2-й средней школы, которая находилась в начале царского парка. Мы гордились нашими добровольцами, возвращавшимися из героической Испании. Восхищались красноармейцами, которые освободили Эстонию от ка-

питалистического рабства и установили там Советскую власть. Встречали довольных, веселых наших солдат гостеприимно, угощали их яблоками и фруктами, они нас — конфетами в красивых обертках при остановке на железнодорожной станции. С радостью общались с испанскими ребятами, которых на лето привозили в наш пионерский лагерь. Был высокий патриотический настрой, из репродукторов звучали лозунги о непобедимости страны социализма, песни типа «Если завтра война».

А она внезапно подобралась к городу. Только что объявили о ее начале, а уже в пригороде были слышны оружейные и автоматные выстрелы, разрывы снарядов и бомб. Наши солдаты на машинах и пешим порядком уже не веселые, угрюмые двигались в сторону Ленинграда. Для нас, ребят, это было неожиданным и странным. А где же наша непобедимая Красная Армия?..